

ЛИЗА
ГАМАУС

ЛЕТО
ОТПУСК
ЛЮБОВЬ

лучшее плацебо
& КУРОРТ

Лиза Гамаус

Лучшее плацебо: курорт

<https://litres.ru/74147437>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — гениальный хирург, верящий только в анатомию. Она — владелица реабилитационных центров, верящая в душу. Они встретились у горного озера, чтобы спорить, плавать и не верить, что смогут договориться, и у них есть будущее. Но сердце бьётся не только для того, чтобы качать кровь.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1. Вспоминая Флобера	9
ГЛАВА 2. Форель	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лиза Гамаус

Лучшее плацебо: курорт

Пролог

Кадры из теленовостей.

Студия. Мягкий свет, идеально выверенный грим, модный ведущий с улыбкой, которая стоит ровно столько, сколько стоит час его эфирного времени.

— Сегодня в нашей студии человек — легенда современной медицины. Егор Захарович Миронов! Хирург-трансплантолог, профессор, заведующий отделением.

Ведущий делает паузу, выдерживая драматическую секунду. Ждёт, когда стихнут аплодисменты.

— Второй сегодняшний гость: Виктор Носов! Человек, который живёт с пересаженным сердцем уже пятнадцать лет. Это близко к мировому рекорду, коллеги!

Опять аплодисменты.

— Виктор, вы ведь стали известным художником. Ваши полотна продаются по всему миру, выставки проходят в Европе, Азии, Америке... И я знаю, что многие задаются вопросом: рисовали ли вы до трансплантации?

Виктор Носов — мужчина лет пятидесяти, с сединой на висках, спокойными глазами. Он улыбается, и в этой улыбке

есть что-то загадочное.

— Можно сказать, что до трансплантации я даже не держал кисть в руке, — говорит он, чуть наклонив голову. — Я был далёк от искусства. Строитель. Сварщик. Но после... после операции что-то изменилось. Я не знаю, как это объяснить. Просто однажды я захотел рисовать. И я начал. А дальше — как-то само пошло.

Сложный момент, которого я ждала. Возможно, Виктора поставили в жёсткие рамки. Несомненно. В программе только он и доктор.

Камера даёт крупный план художника.

— Многие говорят о феномене клеточной памяти. Что пересаженное сердце приносит с собой нечто большее, чем просто насос. Как вы к этому относитесь?

Виктор пожимает плечами, его лицо становится серьёзнее. Он бросает взгляд в сторону, туда, где сидит Миронов, но камера не показывает его.

— Я не учёный. Я просто человек, который получил второй шанс.

Такое впечатление, что Виктор хочет ещё что-то сказать, но не решается.

Снова пауза. Ведущий смотрит в камеру с выражением «мы коснулись важного».

Коснулись, но не остановились. Только для посвящённых.

— Егор Захарович, — ведущий поворачивается в сторону, — вы — хирург, стоявший у истоков этой истории. Вы

оперировали Виктора. Что вы чувствуете, видя его сегодня?

— Чувствую гордость, — говорит он, и голос его ровен, без лишней пафосности. — Виктор — не просто пациент. Он доказательство того, что трансплантология — это не продление жизни в страданиях. Это возвращение к жизни. Полноценной, активной, настоящей.

— Скажите, Виктор, — продолжает ведущий, не давая паузе затянуться, — ваши картины... они о чём? О чём человек с чужим сердцем хочет сказать миру?

Виктор смотрит прямо в камеру. Теперь он серьёзен. Так, как будто говорит не телезрителям, а кому-то одному, кто смотрит на него сейчас из-за экрана.

— О том, что внутри каждого из нас есть что-то, что не поддаётся анатомии. Я не знаю, чьё сердце бьётся в моей груди. Но я знаю, что оно научило меня видеть цвет. И это единственное, что имеет значение.

Я выключаю телевизор.

Холодный пульт в руке. В моём номере отеля «Альтор» наступает абсолютная тишина. Такая абсолютная, что слышно, как озеро дышит за окном.

Они не показали меня в этом репортаже. Конечно, не показали.

Снимали два дня назад.

Егор Захарович Миронов празднует юбилей. Его жизнь — триумф, операция за операцией, пациенты, которые живут десятилетиями. Он теперь национальное достояние.

А я — я владелица сети реабилитационных центров. Мои пациенты — это люди, которым он пересадил сердца, почки, печень. Он дал им вторую жизнь. А я помогаю им научиться с этим жить. Я — та, кто «довинчивает» то, что не закручено как следует. Кто возвращает пациентам желание просыпаться по утрам.

Мы — две стороны одной медали. Но он этого никогда не признает. Для него я — «та, кто успокаивает богатых клиентов». «Плацебо в дорогих халатах». Он даже не знает, что я когда-то работала в реанимации. Что я сбежала не потому, что была слаба, а потому, что поняла: я могу спасти людей иначе. В другом месте. Другим способом.

Я подхожу к окну. Озеро внизу кажется бездонным. Где-то на противоположном берегу, в своей вилле, сидит он. Егор Миронов.

Я порядком потрудилась, чтобы оказаться здесь в одно время с ним. Его администратор — подруга моей ассистентки. Это было несложно, но требовало терпения. Я хочу поговорить с ним. Не как с «профессором Мироновым», а как с Егором. Наедине. Без камер, без пациентов, без журналистов.

У меня есть предложение, от которого он не сможет отказаться. Но сначала я должна заставить его слушать.

Виктор Носов — мой пациент. Тот самый, с пересаженным сердцем, который стал художником. Он доверил мне свою судьбу. Брошенный женой после успешной операции, с

крохотной инвалидной пенсией и отчаянием в глазах. Это я купила ему кисточки и краски. Его не надо было учить рисовать — он сам всё знал и умел. Я просто попросила его слушать свой новый внутренний голос и не сомневаться. А дальше... дальше он полетел вверх. Сначала несколько скромных продаж, потом участие в выставке, потом посыпались заказы.

Он не просто мой пациент, он, как и многие, стал моим другом.

Сейчас он согласился помочь мне — если я встречу с Егором и докажу ему, что его правда — это только половина правды.

Если получится.

ГЛАВА 1. Вспоминая Флобера

Эмма

Если бы дрон, который здесь запрещён, вздрагивая винтами, оторвался от берега и завис над зеркалом воды, то поразили бы не горы, а отражение. Но дрона нет, потому что правила есть правила, а в этом отеле правила — это святое.

Озеро Альтор лежит в чаше из гранита и вековых буков, как жидкий нефрит, и в нём, вверх ногами, живёт целый мир: идеальный лес, опрокинутые пики Кавказа и ни единого облака, чтобы нарушить симметрию.

В общем, открыточный вид для тех, кто готов заплатить пол лимона за ночь, чтобы смотреть на воду и не видеть никого, кроме себя. Идеальный побег от людей. Особенно от тех, кто знает тебя в лицо.

Раннее пастельное утро.

Я в слитном белом купальнике стою у кромки воды, любуюсь панорамой озера и чувствую себя героиней рекламы дорогого шампуня. Осталось только, чтобы ветер игриво растрепал мои волосы, и можно запускать в эфир. Делаю шаг. Холодная вода обжигает.

— Вы простудите лёгкие! — слышу мужской голос и вздрагиваю. Тут же никого не было секунду назад! Как он вообще здесь оказался? Телепортировался? Или прятался в кустах? Учитывая цену за номер, в кустах тут могут оказать-

ся только горные козлы.

Я оборачиваюсь. Он стоит на пирсе в десяти шагах. Планшет в руке — наверное, чтобы выглядеть занятым и деловым, хотя в семь утра в отеле, где нет Wi-Fi нормальной скорости, это просто дорогой поднос для завтрака.

На его майке — череп, перевитый розами. Серьёзно? Череп и розы? Это вообще какой мем? «Я опасный, но чувствительный»? Или «посмотрите, я читал Ницше в старших классах»?

Волосы тёмные, идеальная свежая стрижка, глаза внимательные — такие бывают у людей, которые привыкли видеть вас насквозь.

— В такой воде купаются только идиоты или те, кто никогда не видел рентгеновских снимков больных бронхов, — добавляет он, не двигаясь с места.

Идиоты? То есть я или идиотка или та, которая не видела каких-то там снимков?

Я медленно выхожу из воды, чтобы он не подумал, что я подчиняюсь. Беру полотенце, не торопясь, вытираюсь — каждое движение демонстративное спокойствие.

— Скажите, там, в вашем планшете, есть инструкция, как не лезть к незнакомым женщинам в семь утра с непрошеными диагнозами? — киваю я на планшет.

Это Миронов. Собственной персоной. Я строила планы нашей первой встречи, придумывала предлог, готовилась, а не надо. Теперь уже ничего этого не надо.

Ну и хам!

Он не смущается. Наоборот, чуть склоняет голову, как будто оценивает экспонат. Пусть смотрит. У меня с телом всё в порядке, и его мнение в данном вопросе последнее.

— Мне кажется, у вас просто нет других собеседников, и вы решили терроризировать одиноких купальщиц. Верно?

— Егор, — называет он своё имя, видимо, окончательно решив познакомиться. Мог бы назвать вымышленное имя, как все тут делают, но он не прячется.

— Эмма, — я тоже называю своё настоящее имя. Не хочу оставаться в долгу.

— Вы вторая Эмма, которая мне встречалась по жизни. Первой была Эмма Бовари. Читал в юности.*

— Это что, обвинение? Вы так это произнесли, как будто не стоит быть Эммой.

— Но вы же не Бовари?

— Мы не открываем своих фамилий в этом заведении.

— Да, лучше жить по правилам, — он хихикает, убирает планшет под мышку и скрещивает руки на груди. — Но, судя по тому, как вы выходили из воды, правила — не ваш конёк.

— Это вы сейчас о чём?

— О том, что вы не просто купались, — он прищуривается. — Вы искали что-то. Я не знаю что. Но вы пришли на это озеро не для того, чтобы освежиться. Вы пришли сюда за ответом. Или за человеком. Или за идеей. Я прав?

Я усмехаюсь, накидывая полотенце на плечи. Как он это

вычислил? Непростой какой.

— Вы, случайно, не врач? — хочу заставить его соврать.

Он смеётся, запрокидывая голову. И в этот момент я вижу его настоящего — не того профессора с экрана, не того «геня трансплантологии», а человека, который умеет смеяться громко и свободно.

— Я не врач, — говорит он, и в глазах его мелькает озорство. — Я сборщик мебели. Приехал сюда, чтобы отдохнуть от инструкций. А вы, Эмма, вы кто? Тоже что-то собираете?

— Угадали. Я помогаю людям собирать заново себя, — говорю, и в этот момент моя профессиональная правда просачивается сквозь маску. Я вижу, как он замирает на секунду, услышав эту фразу. Но потом он снова улыбается.

— Собирать себя заново, — повторяет он, пробуя фразу на вкус. — Звучит как философия. Или как название дорогого тренинга. Я бы купил.

— Вы бы купили? — раскрываю я глаза от удивления. — Или просто посмеялись бы и пошли дальше, думая, что это всё чушь для слабаков?

Он задумывается и не отвечает сразу. Смотрит на меня так, будто видит что-то, чего не замечал раньше. Мои глаза, мой голос, мою настойчивость. Я бы сказала, что он смотрит нагло, как рабовладелец, который выбирает тело. Привык царствовать.

— Я бы купил, — отвечает и щурится. — Если бы вы убедили меня, что это работает. Но я, знаете ли, человек науки.

Верю только в доказательства. В цифры. В факты. В то, что можно пощупать и измерить.

— А душу можно измерить? — спрашиваю я, и в моём голосе появляется вызов.

— Душу — нет, — он качает головой. — Поэтому я в неё не особо верю. Я верю в сердце. Насос. Клапаны. Сосуды. Всё остальное — поэзия.

— Или реальность, которую вы просто не хотите признавать, — парирую я, — Она часто бывает невыгодной.

Он делает шаг ко мне. Всего один. Но этого достаточно, чтобы я почувствовала его флюиды.

— Знаете, Эмма, я приехал сюда, чтобы отдохнуть от людей. От пациентов. От вопросов. Но вы... вы сами очень интересный вопрос, и я хочу узнать на него ответ.

— Какой ответ?

— Кто вы на самом деле. И почему меня так задели ваши слова про «собрание себя заново».

Он замолкает. Я смотрю на его майку с черепом, на его глаза, в которых сейчас нет цинизма — только искреннее, почти детское любопытство. Меняется, как ветер на море.

И я понимаю, что не могу начать разговор о клеточной памяти. Не сейчас. Не после этого «собрания себя заново». Это всё испортит. Это будет похоже на дешёвую ловушку. И он уйдёт.

— Я не скажу вам, кто я, — говорю я мягко. — Но я скажу вам то, что думаю. Мы все состоим из того, что пережили.

Из того, что потеряли. Из того, что нам подарили другие. Иногда мы даже не знаем, кто мы, пока не получим шанс начать заново. А потом, когда он приходит, мы боимся его взять. Потому что начинать заново страшно. Потому что это значит — отпустить прошлое. А в прошлом могут быть и победы, а не только то, что мы хотим забыть, — кидаю ему «на подумать».

Он молчит. Кидает камушки в озеро. Здоровый и сильный мужик, поэтому камушки летят чуть ли не на противоположный берег. Я не спешу. Слушаю плеск воды и дыхание ветра.

— И вы, — говорит он наконец, — вы помогаете людям сделать это? Начать заново?

— Да, — говорю я. — Помогаю. Но не всем. Только тем, кто готов честно себе признаться, что они уже не те, кем были раньше. Что они изменились. Что их тело изменилось. Что в их груди бьётся чужое сердце. И что это нормально — бояться этого. Нормально — хотеть стать собой. Настоящим.

Он смотрит на меня так, будто я только что сказала ему что-то, что он давно искал и вдруг услышал, но не понял ещё, как реагировать. Или, может, услышал то, чего боялся услышать.

— Пойдёмте завтракать, — говорит он хрипло. — И я обещаю, что не буду спрашивать вас о вашей работе. Всё, о чём я спрошу, — это почему вы смотрите на озеро так, будто оно живое.

— На озеро? — переспрашиваю я. — Не стоит так быстро отказываться от поэзии, как я посмотрю, Егор.

Я знаю, что мне нужно — заставить его поверить в то, во что он не верит. Знаю, что Виктор Носов ждёт. Знаю, что я должна сделать.

Но сейчас, глядя в его глаза, я понимаю: я не хочу быть «той, кто его убеждает». Я хочу быть «той, кто увидит, как он улыбается без этой своей медицинской маски».

— Завтрак, — говорю я. — Но только если вы пообещаете, что на завтрак мы не будем говорить о медицине.

— Договорились, — он протягивает руку. — О чём угодно. О форелях, о книгах, о том, как правильно жить, чтобы не сойти с ума от одиночества. О чём угодно. Просто поговорим.

Я пожимаю его руку, тёплую и сильную.

Через час. Терраса. Я буду там. И я буду его слушать. Потому что, чтобы убедить, сначала нужно понять.

Иду к своей вилле. И на ходу я уже не прокручиваю в голове нужные аргументы. Я думаю о том, как он смотрел на меня в тот момент, когда я сказала про чужое сердце. Как будто я... задела что-то внутри него.

Может быть, он не такой бесчувственный, как кажется? Может быть, он просто боится в этом признаться? Как и все мы.

- _ * Миронов имеет в виду героиню известного романа французского писателя-классика Гюстава Флобера «Мадам

Бовари»

ГЛАВА 2. Форель

Эмма

Завтрак на террасе «Аква» — это отдельный вид искусства. Стекланный пол, под которым плавает форель, лениво перебирающая плавниками в бирюзовой воде. Столики расставлены так, чтобы никто не видел лица соседей — идеальный баланс между одиночеством и присутствием.

Я сижу напротив Егора. Он заказал омлет из белков, овощной смузи и зеленый чай без сахара. Я — круассан с маслом, кофе с молоком и маленький кусочек шоколадного брауни, который, кажется, издевается над моим соседом по столу своим существованием.

— Вы серьезно? — он смотрит на мой круассан с выражением лица, которое обычно приберегают для патологий на рентгеновских снимках. — Семь утра. Организм только проснулся. Вы заливаете в него рафинированный углевод и животные жиры. Это не завтрак. Это самоубийство с маслом.

Профессор закипает от возмущения.

Я откусываю кусочек. Демонстративно. Медленно. Закрываю глаза от удовольствия.

— Знаете, Егор, — говорю я, прожевав, — вы выглядите так, будто я съела живого котёнка. Успокойтесь. Это просто тесто. С маслом. И счастьем.

— Каждое ваше «наслаждение» — это отложение на со-

судах. — Он тычет вилкой в свой омлет. — Холестериновые бляшки, Эмма. Инсульты. Инфаркты. Я видел, к чему приводит этот круассан. Слишком много раз.

— А каждое ваше «правило» — это пропущенная жизнь, — парирую я, отпивая кофе. — Вы не едите круассаны, потому что боитесь умереть. А я ем, потому что не хочу умереть, не попробовав их. Разницу чувствуете?

Он смотрит на меня так, будто я сказала что-то гениальное. Или идиотское. С хирургами никогда не поймешь — возьмёт и оттяпает.

Если уж быть совсем честной, то я не ем круассаны с маслом каждый день на завтрак. Достаточно поставить меня на весы и проверить окружность талии. Я ЗОЖница, но иногда, как сейчас, в особых случаях, я могу позволить себе всё. Я делаю это только для того, чтобы получить удовольствие. А сейчас я делаю это ещё и для того, чтобы пощекотать и позлить Миронова. Чтобы было, о чём поговорить и за что зацепиться.

— Я не боюсь умереть, — говорит он тихо. — Я боюсь ошибиться. Сделать что-то не так. Пропустить симптом. Потерять пациента. Поэтому я контролирую всё. Включая то, что попадает в мой организм.

— И что, помогает? — я наклоняю голову. — Контроль. Помогает вам не бояться?

Он молчит. Смотрит на свою тарелку. И вдруг его взгляд падает на стеклянный пол под нами. На форель. Которая, ка-

жется, застыла на месте.

— Странно, — говорит он, прищуриваясь. — Она не двигается.

Я тоже смотрю вниз. Форель действительно замерла. Не как рыба, которая отдыхает, а как рыба, которая... умерла. Но глаза открыты. Она просто стоит в толще воды, не шевеля плавниками.

— Может, спит? — предполагаю я.

— Рыбы не спят с открытыми глазами, — он уже встает, подходит к краю стеклянного пола, смотрит вниз. — У них нет век. А эта... она в кататонии. Что-то не так с водой.

Он исчезает на несколько минут. Я сижу одна, дожевываю круассан и чувствую, как настроение начинает стремительно падать. Никто не любит, когда во время завтрака в начале дня начинается беготня, тревога и прочий фор мажор. Миронов возвращается, с серьёзным лицом.

— Система фильтрации дала сбой, — говорит он, садясь обратно. — Час назад. Подали воду с неправильной температурой и примесью хлора. Форель начала задыхаться. Пять рыб уже сдохли. У этой — последняя стадия шока. Через полчаса она тоже умрет.

— И что вы собираетесь делать? — я чувствую, как внутри поднимается странное волнение. Ну, не операцию же он будет делать этой несчастной форели.

Он смотрит на меня. Серьёзно. Пристально. Так, будто я не его соседка по отелю на высокогорном курорте, а по мень-

шей мере анестезиолог.

— Надо идти в технический отсек, — говорит он. — Отель запросил эвакуацию всех рыб, пока не починят систему. Но эта... — он показывает на застывшую форель, — эту уже не перевезти. Она не выдержит стресса.

— Так что вы будете делать? — переспрашиваю я.

Он смотрит на меня. И в его взгляде — вызов. Тот самый, который я уже видела на озере.

— Хотите посмотреть, как я работаю без скальпеля? — он усмехается. — Просто так. Без перчаток.

Мне немного смешно, потому что он похож на азартного мальчишку, которому не больше пятнадцать лет.

— Конечно, хочу, — киваю ему в ответ.

Мы стоим на смотровой площадке, где дежурят сотрудники отеля с сачками и контейнерами для перевозки рыбы. Рядом с нами — та самая форель. Ее подняли из стеклянного пола и поместили в отдельный резервуар с чистой водой, но она всё так же неподвижна, висит почти вертикально, еле шевелит жабрами.

— Она умирает, — говорит сотрудник отеля. — Мы вызвали ветеринара, но до него два часа. Он не успеет.

— Два часа — слишком долго, согласен, — бросает Егор и внимательно смотрит на рыбу. Затем поворачивается ко мне. — Дайте мне вашу заколку.

— Что?

— Заколку. Или шпильку. Что-то острое и тонкое.

Я изумленно вытаскиваю шпильку из волос, на которой держался хвост. Он берёт её, не говоря ни слова, наклоняется к резервуару, опускает руку в воду. Его пальцы касаются рыбьего тела, и я вижу, как он внимательно осматривает жабры. Затем, с хирургической точностью, делает прокол. Там, где-то за жаберной дугой. Я задерживаю дыхание. Форель делает рывок. Два. Три.

И начинает плавать.

Он вынимает руку из контейнера. Смотрит на меня. Капли воды стекают с его пальцев.

— Воздушный пузырь заблокировал капилляры, — объясняет он. — Чуть выше жаберной дуги. Я выпустил его. Она будет жить.

— Вы... вы сделали рыбе хирургическую операцию шпилькой? — я смотрю на него с ужасом и восхищением одновременно.

— Я сделал рыбе операцию шпилькой, — кивает он, улыбаясь. — Добро пожаловать в мир трансплантологии. Там главное не инструмент. Главное — понять, где проблема.

Собственно, как и везде. Но я не буду пока умничать. Это его подвиг.

Миронов протягивает мне шпильку обратно. Мокрую. Я не беру.

— Оставьте, — говорю я. — Я не хочу трогать инструмент, которым спасали жизни и закалывать им волосы.

— Это была всего лишь рыба, которую вы с удовольствием

будете есть на ужин.

Вот как это всё понять?

— Это была жизнь, которую вы спасли. Не путайте меня. Вы — врач. Не только для людей. Для всего живого, — я чувствую, как внутри меня что-то меняется. — Вы не «механик». Вы — целитель.

Он смотрит на меня. И в его взгляде — удивление. Смесь удовольствия и смущения. Всё-таки крупницы скромности в нём остались.

— Я не собираюсь вас путать. Мне бы самому разобраться. Идёмте, — говорит он, резко меняя тему. — Сегодня вечером у костра я расскажу вам, почему стал хирургом. Если вы выдержите мою философию.

Он даже не спрашивает, приду я к нему вечером к его костру или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.